

М.Ю.ЛЕРМОНТОВ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

«Журнал Печорина»
как средство
самораскрытия
его характера

«Княжна Мери»

Автор презентации – учитель русского языка и литературы
МОУ СОШ № 9 г.Дмитрова Московской области
Русак Инна Николаевна

ЖУРНАЛ ПЕЧОРИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки. *История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и полезнее истории целого народа, особенно когда она - следствие наблюдений ума зрелого над самим собою* и когда она написана без тщеславного желания возбудить участие или удивление...

Итак, одно желание пользы заставило меня напечатать отрывки из журнала, доставшегося мне случайно...
Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? – Мой ответ – заглавие этой книги. «Да это злая ирония!» - скажут они. – Не знаю.

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ
(ОКОНЧАНИЕ
ЖУРНАЛА ПЕЧОРИНА)**

II

«Княжна Мери»

11-го мая

- ... Нынешний год из Москвы одна только княгиня Лиговская с дочерью; но я с ними незнаком ...
В эту минуту прошли к колодцу мимо нас две дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Их лиц за шляпками я не разглядел, но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса: ничего лишнего. На второй было закрытое платье..., легкая шелковая косынка вилась вокруг ее гибкой шеи... Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от определения, но понятное взору. Когда она прошла мимо нас, от нее повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины...

**М. Врубель.
Княжна Мери и
Грушницкий.
1890.**

**Д. Шмаринов.
Княжна Мери и
Грушницкий.
1941.**

11-го мая

Легче птички она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан и подала его с телодвижением, исполненным невыразимой прелести; потом ужасно покраснела, оглянулась на галерею и, убедившись, что ее маменька ничего не видала, кажется, тотчас же успокоилась. Когда Грушницкий открыл рот, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко...

16-го мая

... Я подошел к самому гроту.

Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина, в соломенной шляпе, окутанная черной шалью, опустив голову на грудь; шляпка закрывала ее лицо. Я хотел уже вернуться, чтоб не нарушить ее мечтаний, когда она на меня взглянула.

-Вера! – вскрикнул я невольно.

Она вздрогнула и побледнела.

- Я знала, что вы здесь, - сказала она. Я сел возле нее и взял ее за руку. Давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса: она посмотрела мне в глаза своими глубокими и спокойными глазами: в них выражалась недоверчивость и что-то похожее на упрек...

Э.М.

Андриолли.

Вера в гроте.

1879

29-го мая

Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на СТРАДАНИЯ и на РАДОСТИ ДРУГИХ только в отношении к себе, КАК НА ПИЩУ, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти... а первое МОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ – подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее ТОРЖЕСТВО ВЛАСТИ? Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, - НЕ САМАЯ ЛИ ЭТО СЛАДКАЯ ПИЩА НАШЕЙ ГОРДОСТИ?..

12-го июня

Мы были уже на середине, в самой
быстрине, когда она вдруг на седле
покачнулась. «Мне дурно!» -
проговорила она слабым голосом... Я
быстро наклонился к ней, обвил рукой ее
гибкую талию. «Смотрите вверх! -
шепнул я ей, - это ничего, только не
бойтесь; я с вами».

Ей стало лучше; она хотела освободиться
от моей руки, но я еще крепче обвил ее
нежный, мягкий стан; моя щека почти
касалась ее щеки; от нее веяло
пламенем...

Я не обращал внимания на ее трепет и
смущение, и губы мои коснулись ее
нежной щечки; она вздрогнула, но ничего
не сказала...

- Или вы меня презираете, или очень
любите! - сказала она наконец голосом, в
котором были слезы...

Л.Е. Фейнберг.

Переправа через Подкумок.

1940—1941

Л.Е.
Фейнберг.
«Княжна
Мери».
1940—1941

Сцена в
ресторации.

16-го июня

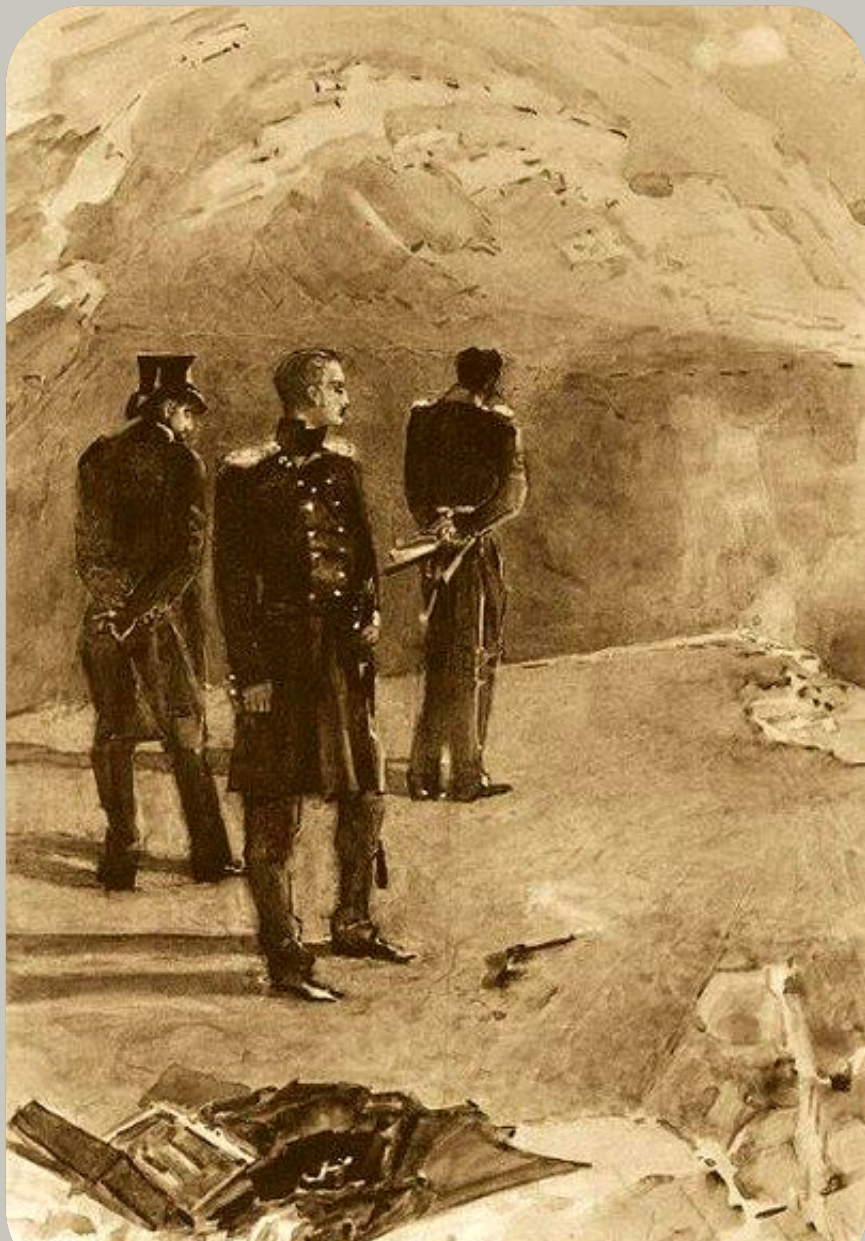
В эту минуту он поднял глаза – я стоял в дверях против него; он ужасно покраснел. Я подошел к нему и сказал медленно и внятно:
- Мне очень жаль, что я вошел после того, как вы уже дали честное слово в подтверждение самой отвратительной клеветы. Мое присутствие избавило бы вас от лишней подлости... Прошу вас, - продолжал я тем же тоном, прошу вас сейчас же отказаться от ваших слов; вы очень хорошо знаете, что это выдумка...

16-го июня

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: **ЗАЧЕМ Я ЖИЛ? ДЛЯ КАКОЙ ЦЕЛИ Я РОДИЛСЯ?..** А, верно, она существовала. И, верно, было мне *назначение высокое*, потому что я *чувствую в душе моей силы необъятные...* Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший цвет жизни...

Моя любовь никому не принесла счастья, потому что **Я НИЧЕМ НЕ ЖЕРТВОВАЛ ДЛЯ ТЕХ, КОГО ЛЮБИЛ: Я ЛЮБИЛ ДЛЯ СЕБЯ, ДЛЯ СОБСТВЕННОГО УДОВОЛЬСТВИЯ;** я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания – и никогда не мог насытиться...

М.А. Врубель. Дуэль Печорина
с Грушницким. 1890—1891

Когда дым рассеялся,
Грушницкого на
площадке не было.
Только прах легким
столбом еще вился на
краю обрыва.
Все в один голос
вскрикнули.
-Finita la comedia! –
сказал я доктору.
Он не отвечал и с
ужасом отвернулся.
Я пожал плечами и
раскланялся с
секундантами
Грушницкого.

**В.А. Серов.
Объяснение
Печорина с
Мери.
1891.**

Я стоял против нее. Мы долго молчали; ее большие глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали в моих глазах что-нибудь, похуже на надежду; ее бледные губы напрасно старались улыбнуться; ее нежные руки, сложенные на коленях, были так худы и прозрачны, что мне стало жаль ее.

-Княжна, - сказал я, - вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны презирать меня... Следственно, вы меня любить не можете...

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

- Я ВАС НЕНАВИЖУ... - сказала она.

Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами. И, выброшенный на берег, он скучает и томится,.. он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте... желанный парус...